2918

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
4А55
Р848

308
А. 156
6435
ЦА55
Р 848

Россійская Соціаль-Дем. Рабочая Партія.

ЛЕГАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И РУССКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ.

Изданіе „ИСКРЫ“

Мартъ 1902 года.

Типографія „Искры“

Отд. Печати
Арх. Революц. Под.
Инв. № 2918

К.

ЦА55
Р 848

4-1211

2010г
У87

РСДРП

X.

ЛЕГАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ
И
РУССКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ

Удивительное дѣло, товарищи! Въ то время, какъ повсюду на Руси въ отвѣтъ на требованія рабочихъ, какъ бы скромны они ни были, являются тюрьма да высылка, въ то время, какъ по спинамъ ихъ прогуливается сплошь и рядомъ казацкая нагайка, а на ярославскихъ стачечниковъ въ 1895 г., и въ прошломъ году на обуховскихъ въ Петербургѣ, палили по приказу царя изъ ружей, убивая и раня не только взрослыхъ рабочихъ, но и женщинъ и дѣтей; въ то время, какъ на многихъ образцовыхъ фабрикахъ рабочимъ отказываютъ въ хозяйскихъ квартирахъ, если они собираются маленькой кучкой потолковать или почитать что-нибудь вмѣстѣ, и засылаютъ въ глушь, гдѣ имъ не сыскать работы, или морятъ мѣсяцами въ тюрьмахъ, если на эти чтенія придетъ къ нимъ студентъ, если они попробуютъ устроить рабочую кассу на своей фабрикѣ, — въ это самое время у насъ, въ Москвѣ бѣлокаменной, рабочіе открыто собираются, толкуютъ о своихъ нуждахъ, устраиваютъ кассу взаимопо-

мощи, потребительныя лавки... И не только за это начальство ихъ и тѣхъ профессоровъ, что толковать съ ними ходятъ, не арестуетъ, не засаживаетъ въ тюрьмы и не высылаетъ изъ столицы, но и на фабрикахъ за это никого не притѣсняютъ, и самъ полковникъ изъ охраны сидитъ порой на собраніяхъ этихъ и слушаетъ....

Не диво-ли, товарищи? Поневолѣ протираешь себѣ глаза и спрашиваешь: да неужто это и впрямь все происходитъ? А если это правда, то не наступила-ли для рабочаго люда въ Россіи новая, лучшая пора, не всходитъ-ли и для него солнце счастья надъ куполами Москвы бѣлокаменной?... Можетъ, начальство поняло, что больно ужъ тяжело рабочимъ на Руси живется, что надо имъ помочь получше жизнь свою устроить и поучиться хоть какую нибудь возможность дать?

Вонъ Афанасьевъ и другіе рабочіе, что на собраніяхъ этихъ ораторствуютъ, говорятъ, что это такъ, что надо только бросить гибельный путь революціи, не требовать, а просить начальство и фабрикантовъ, — и мы всего добьемся: и положеніе свое поймемъ, и улучшить его сможемъ, — хоть понемногу, да вѣрно. И заграницей, вишь, такъ-же ведется, — тамъ профессіональными союзами всего добиваются, а политику ужъ бросать начинаютъ.

Можетъ, и такъ это, товарищи. Пойдемъ, послушаемъ.

Вотъ профессоръ Вормсъ рабочимъ о сдѣльной платѣ и о свободѣ договора толкуетъ.

— Оттого намъ, главное, плохо, г. профессоръ, — говорятъ ему рабочіе, — что плата у насъ вездѣ сдѣльная, а расцѣнки низкіе; приходится черезъ силу напрягаться, чтобы на пропитаніе себѣ заработать, — вотъ и надрываешь здоровье себѣ. А чуть наловчишься, что начинаешь кое-какъ концы съ концами сводить, — глядь, и понизили расцѣнки, и опять изъ силъ выбиваться надо, чтобы заработки хоть на самое необходимое хватило. Такъ и идетъ дѣло колесомъ: только наладишься грошъ заработать, — анъ, расцѣнокъ и понизили. И силы послѣднія надорвешь, и семья все равно не доѣдаетъ.

Но профессоръ Вормсъ удивляется невѣжеству рабочихъ и головой снисходительно покачиваетъ. „Причемъ тутъ сдѣльная плата или низкіе расцѣнки,—говоритъ онъ—дѣло совсѣмъ не въ нихъ, а въ томъ, что вы гигіеническихъ условій не знаете, не знаете вы, что вредно для человѣческаго организма напрягать черезчуръ свои силы; вы гонитесь неразсчетливо за временнымъ повышеніемъ заработка, а этимъ серьезно и надолго подрываете свое здоровье, возможность зарабатывать себѣ пропитаніе въ будущемъ. Надо вамъ изучать эти условія, дѣлать все въ границахъ, не вредящихъ здоровью.“

— Да помилуйте, господинъ профессоръ!

Вѣдь не по охотѣ-же мы силы свои такъ напрягаемъ. Развѣ кто врагъ себѣ? Вѣдь мы докладывали вамъ, что расцѣнки низки больно стали, чтобъ при нихъ прокормиться, поневолѣ надо силы свои напрягать. Голодъ то, вѣдь, не тетка. Коль ѣсть захочешь, такъ о границахъ, не вредящихъ здоровью, думать позабудешь...

Но профессоръ не слушаетъ и по своему по ученому дальше расписываетъ.—„И то еще плохо, что рынокъ вы черезчуръ переполняете,—слишкомъ много васъ на работу выходитъ и цѣны вы этимъ сбиваете. Если бы не переполняли вы рынка...

—Но позвольте, господинъ профессоръ,—вѣдь не своей же охотой опять таки рынокъ мы переполняемъ; вѣдь голодъ гонитъ насъ на него, на то, чтобы задешево на работу становиться. И сами мы видимъ, что потому фабрикантъ надъ нами куражится, что много насъ, рабочаго люда, что знаетъ онъ—мы не захотимъ, онъ другихъ всегда найдетъ. И ничего мы противъ этого подѣлать не можемъ, что все больше народу на рынокъ выходитъ, въ работѣ нуждается; и никто намъ въ этомъ не помогаетъ....

—Нѣтъ,—скажетъ на это профессоръ,—законъ за васъ, онъ даетъ вамъ такія же права, какъ и фабрикантамъ, предоставляетъ вамъ полное право входить или не входить въ договоръ, хочешь—работай на предлагаемыхъ

условіяхъ, не хочешь — не соглашайся.

И какія бы возраженія рабочіе не приводили, на все у профессора найдутся самые ученые доводы. Точно и не понимаетъ онъ, что при теперешнихъ условіяхъ, когда и машины и фабрики въ рукахъ капиталистовъ, и рабочіе принуждены становиться на всякую работу, соглашаться на всякія условія, — злая насмѣшка надъ ними его свободный договоръ, что свобода для нихъ одна — свобода умереть съ голода.

Но профессоръ доволенъ собой: ему удалось и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти, — и начальству угодить, и рабочимъ свое просвѣщенное вниманіе показать, и онъ ничего уже не слушаетъ. — „Въ общемъ я вамъ все изложилъ,— говоритъ онъ—но такъ какъ вопросъ этотъ сложный, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходится идти за разъясненіями къ спеціалистамъ, къ фабричнымъ инспекторамъ.“

Такъ и уйдемъ мы съ лекціи проф. Вормса не умнѣе, чѣмъ пришли на нее. А если бы послушались его да пошли бы къ фабр. инспектору? — Такъ и такъ, молъ, Вашескородіе, — вотъ профессоръ говорилъ, что законъ-то за насъ; такъ нельзя ли какъ нибудь устроить, чтобы расцѣнки не такіе низкіе были, чтобы не приходилось намъ на работѣ силъ своихъ надрывать?

— Очень просто, сказалъ бы намъ на это

фабричный инспекторъ, вы на такія условія не соглашайтесь.

— Ахъ, Вашескородіе, — и вы то-же самое! Да, вѣдь, ѣсть то намъ надо же. Вотъ если бы вы заставили фабрикантовъ повысить расцѣнки.

— Нѣтъ, что вы!—воскликнетъ съ ужасомъ фабричный инспекторъ, — вѣдь по закону у насъ полная свобода договора; какже я могу ее нарушать, фабриканта къ чему-нибудь принуждать. Захочетъ онъ, набавитъ вамъ копейку, захочетъ — полушку. Ну, а вы можете не соглашаться, коли невыгодно вамъ.

— Да, помилуйте, господинъ инспекторъ, не можемъ мы не согласиться, коли голодъ насъ подгоняетъ.

— Ну, тогда и работайте; нечего попусту и разговаривать, время терять.

— Ну, ладно,—скажутъ рабочіе.—Вотъ и вы, и профессоръ говорите, что законъ за насъ, и что на плохія условія мы можемъ не соглашаться. Стало быть, если фабрикантъ расцѣнокъ понизитъ, мы можемъ на это не согласиться и побрасать работу, какъ одинъ человѣкъ. Пускай сабѣ новыхъ рабочихъ ищетъ.

— Нѣтъ, что вы, господа! Вѣдь это — стачка! Вѣдь законъ нашъ (1358 и др. ст. Улож. о Наказ.) за стачку тюрьмой караетъ, коли и мирная она. А не дай богъ, если кто-нибудь изъ васъ камнями окно выбьетъ, или машину попортитъ, или мастера побьетъ,—тогда и войско вызовутъ, пострѣляютъ въ васъ да и въ

арестантскія роты попадете: разобрать не всегда можно, кто камни кидалъ,—если и въ толпѣ стоялъ поплатиться можетъ. Есть у насъ статья закона (239 Улож. о Наказ.), которая за участіе въ публичномъ скопищѣ, учинившемъ поврежденіе чужого имущества или насиліе надъ личностью изъ побужденій, проистекшихъ изъ экономическихъ причинъ, караетъ арестантскими ротами. Да что стачка! Не совѣтую вамъ и въ одиночку уходить, не предупредивши заранѣе, потому что и за это (по ст. 51 Улож. о Наказ.) васъ на мѣсяцъ засадить могутъ.

И такимъ образомъ ни ученая лекція профессора, ни разъясненія спеціалиста фабричнаго инспектора ничего не прибавятъ къ нашимъ знаніямъ, къ нашему пониманію своего положенія. Какъ бы они по ученому намъ не толковали о томъ, что законъ за насъ, и что мы, какъ люди свободные, можемъ соглашаться или не соглашаться на условія фабрикантовъ,—мы по своему, по простому, видимъ, какъ и прежде видѣли, что все это одни разговоры пустые, что законъ всецѣло за богатыхъ и сильныхъ, а намъ и лазейки никакой не даетъ, что вся свобода опять таки на сторонѣ богатыхъ, которые могутъ насъ, голодныхъ людей, принудить къ какимъ угодно условіямъ труда, а мы и пикнуть не смѣемъ, не то насъ же явятся приструнивать и наказывать: царь стачекъ и бунтовъ не дозволяетъ.

Да вѣдь и то сказать, вѣдь и у него свои фабрики и заводы, и ему прямая выгода фабрикантовъ поддерживать. А профессора да фабричные инспектора у него-же на службѣ состоятъ, отъ него-же жалованье получаютъ; ну, понятно, что и они свою ученость и свои знанія въ ихъ-же сторону гнутъ.

Но, можетъ быть, мы слишкомъ скоро рѣшили, одного г. Вормса послушавши. Можетъ, есть и среди профессоровъ люди, которые рабочимъ сочувствуютъ и хоть сколько-нибудь полезные совѣты имъ даютъ. Не послушать-ли г. Озерова, что онъ о развлеченіяхъ для рабочихъ говоритъ?

— „Рабочимъ необходимо устраивать полезныя, развивающія ихъ умъ и чувства, развлеченія: спектакли, литературныя чтенія съ туманными картинами, клубы, гдѣ бы они могли собираться по вечерамъ и по праздничнымъ днямъ, чтобы почитать, потолковать между собою."

— Правда это, нужно все это рабочимъ, — думаемъ мы и начинаемъ вслушиваться внимательнѣе.

— „И важные шаги на этомъ пути дѣлаетъ министерство финансовъ теперь, когда винная монополія перешла въ его руки. Оно борется съ народнымъ пьянствомъ, устраиваетъ вездѣ комитеты и попечительства о трезвости, гдѣ засѣдаютъ друзья рабочихъ, изыскиваетъ всякія средства, чтобы рабочіе потребляли мень-

ше алкоголя. Оно пооткрывало для нихъ чайныя, гдѣ рабочіе могутъ проводить разумно время въ компаніи своихъ, читать полезныя книжки."

А! вотъ какіе клубы: комитетами и попечительствами о трезвости устроенные! Друзья рабочихъ тамъ, говоритъ профессоръ, засѣдаютъ. Знаемъ мы, что сидятъ тамъ губернаторъ да исправникъ да земскіе начальники — все тѣ друзья, которые и прикрикнуть на рабочихъ и по физіономіи съѣздить и въ холодную засадить норовятъ. Давно мы друзей этихъ знаемъ. И въ чайныхъ ихнихъ бывали. Грязь тамъ такая, что трезвому человѣку и не усидѣть тамъ, и книгъ порядочныхъ вовсе нѣтъ, — не велѣно заводить ихъ, чтобъ не набрался больно большого ума рабочій. — Не велика птица рабочій, думаютъ члены попечительствъ. Для него и такія чайныя чисты. Пусть сказки вродѣ Бовы Королевича почитаетъ и нравоучительныя книги о вредѣ праздности и пользѣ труда, о терпѣніи, о томъ, какъ начальство уважать надо, — можетъ еще покладистѣе и смирнѣе будетъ.

Указываютъ рабочіе профессору на грязь въ этихъ чайныхъ. — Мы и изъ дому-то главнымъ образомъ отъ грязи и тѣсноты уйти желаемъ, а то и дома бы читать можно, — книгами то и чайныя не богаты...

Но профессоръ не слушаетъ ихъ и продолжаетъ описывать съ увлеченіемъ всѣ

прелести винной монополіи.

Да что это, товарищи?! Неужто профессоръ искренно думаетъ, что министръ финансовъ для того казенную продажу питей завелъ, чтобы пьянство народное уменьшить и разумныя развлеченія рабочимъ дать?! — Вѣдь онъ не малое дитя, а профессоръ. Вѣдь знаетъ же онъ, что доходы съ водки цѣлую треть государственныхъ доходовъ составляютъ, а министерство финансовъ и безъ того съ трудомъ концы съ концами сводитъ: сколько денегъ на содержаніе войскъ и жандармовъ, на жалованье чиновникамъ надо. Водочный акцизъ самый большой и выгодный для него изъ всѣхъ косвенныхъ налоговъ, изъ-за него мы за ведро водки платимъ во много разъ больше, чѣмъ слѣдовало бы платить. Такъ можетъ-ли оно желать, чтобы народъ пить пересталъ? Но ему и этого мало показалось, и разсудило оно, что если завести монополію, то, во-первыхъ, будетъ оно единственнымъ скупщикомъ и, слѣдовательно, сможетъ поставить заводчикамъ какую угодно цѣну, а во-вторыхъ, будетъ кромѣ акциза и ту торговую прибыль, что прежде кабатчики наживали, себѣ въ карманъ класть. Выгода прямая, съ какой стороны ни посмотри. Ну, а почему-же при такомъ удобномъ случаѣ и не покрасоваться, благородство свое не выставить: мы, молъ, не о деньгахъ, не о выгодѣ заботимся, а какъ бы пьянство народное уменьшить и пользу рабочему

люду принести. Эхъ, товарищи! Кабы и вправду правительство объ этомъ думало, то не такія бы чайныя и клубы заводило оно; не открывало бы оно винныхъ лавокъ тамъ, гдѣ самъ народъ постановилъ кабаковъ не имѣть, и не только не чинило бы препятствій, когда народъ самъ доходитъ до мысли о чайныхъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ, а радоваться бы должно было и помогать ему всячески.

Ну, а этого не видно. За примѣрами недалеко ходить. Вонъ въ Быковѣ, Бронницкаго уѣзда, постановили крестьяне на сходѣ зданіе для разумныхъ развлеченій — для чтеній, концертовъ, вечеровъ — построить и заключили для этого договоръ съ однимъ тамошнимъ же жителемъ, Михинымъ. Договорились они отдать ему землю на 12 лѣтъ, чтобы построилъ онъ на ней зданіе для такихъ вечеровъ, а также и для чайной, которая бы народъ отъ кабака отвлекала. Часть вечеровъ онъ долженъ былъ устраивать безплатно, другіе же за деньги, которыя должны были идти сперва на уплату расходовъ по постройкѣ зданія, а потомъ откладываться на устройство лѣчебницы и ремесленныхъ классовъ. Черезъ 12 же лѣтъ зданіе становилось крестьянской собственностью.

Хорошее, вѣдь, какъ будто-бы, товарищи, дѣло крестьяне затѣяли? Казалось бы, начальству смотрѣть только да радоваться, что они

по своему почину, безъ всякихъ расходовъ для него это надумали? Какъ бы ему не радоваться, когда бы оно дѣйствительно о пользѣ крестьянъ, о ихъ развитіи и отклоненіи отъ пьянства заботилось? — Такъ, вѣдь, нѣтъ-же. Сосѣдній помѣщикъ, Ильинъ, усмотрѣлъ въ этомъ что-то подозрительное и о своихъ сомнѣніяхъ земскому начальнику Перфильеву и попу Воскресенскому сообщилъ. Потолковавши, эти три мужа настрочили доносъ, что открылось-де въ селѣ Быковѣ вредное общество: вина въ немъ не пьютъ и книжки читаютъ. Попъ въ церкви на проповѣди сталъ увѣщевать, что грѣхъ вступать въ это общество. Но крестьяне не слушали своего духовнаго пастыря, — они видѣли, что дѣло это хорошее и грѣха никакого тутъ нѣтъ. Тогда на помощь ему пришло начальство. Министръ постановилъ, чтобы общество это, какъ вредное, закрыли, а имущество его попечительству о народной трезвости передали. Пробовалъ Михинъ свое имущество защитить: жаловался губернатору, просилъ попечительство вернуть ему зданіе, но отовсюду получилъ отказъ и одного только добился своими просьбами, — что земскій его за самоуправство на четыре дня подъ арестъ посадилъ (самоуправство заключалось въ томъ, что онъ заперъ помѣщеніе, гдѣ лежали его вещи, чтобы не раскрали ихъ). Если съ Михинымъ, дворяниномъ, земскій такъ просто распорядился, то съ кресть-

янами онъ и вовсе церемониться не сталъ: хотѣли они жаловаться на попечительство, что оно имущество ихъ забрало, но земскій не позволилъ имъ собрать сходъ, составить приговоръ, выбрать уполномоченныхъ. Потомъ онъ велѣлъ созвать ихъ и говоритъ: „подарите зданіе попечительству.“ — Не хотимъ, — отвѣчаютъ крестьяне. — „А если такъ, то ступайте въ холодную; сгною васъ тамъ, пока моихъ требованій законныхъ не исполните. (Это вымогательство-то — законное требованіе!).

Такъ и добились крестьяне за свою хорощую затѣю одной холодной! Зданіе у нихъ отобрали, и открыло въ немъ теперь чайную попечительство о народной трезвости. Десятскіе да сотскіе ходятъ въ эту чайную, но крестьяне въ нее не идутъ.

Вотъ какъ искренно заботится начальство о просвѣщеніи народа, объ искорененіи пьянства! — Я взялъ только одинъ примѣръ, что близко у насъ подъ руками случился.

А мало-ли можно бы набрать такихъ примѣровъ по всей Руси святой? У насъ въ Москвѣ и по другимъ мѣстамъ воскресныя школы разрѣшаются туго и чуть поведетъ какая-нибудь свое дѣло мало-мальски годно, заговоритъ съ рабочими человѣческимъ языкомъ, а не какъ съ малыми дѣтьми, не какъ попъ на проповѣди, — сейчасъ, такую школу прикроютъ и учителямъ ея запретятъ въ другихъ мѣстахъ читать. Въ народныя читальни и библіотеки,

на литературные вечера съ туманными картинами не допускаютъ ничего новаго, живого, что бы мысль человѣческую будило, знанія давало людямъ настоящія. Есть у насъ около дюжины разрѣшенныхъ чтеній съ фонаремъ: какъ прочитаютъ ихъ всѣ, такъ и опять, благословясь, какъ молитву снова начинать приходится... И это у насъ, гдѣ передъ народомъ, ломящимся въ двери воскресныхъ школъ, закрываютъ эти двери; у насъ, гдѣ ему, рвущемуся къ настоящему знанію, къ хорошей книжкѣ, всовываютъ въ руки, какъ малолѣтнему, глупыя побасенки и назидательныя поученія; у насъ, гдѣ рабочаго и за разрѣшенную цензурой книгу выгоняютъ сплошь и рядомъ съ фабрики или засаживаютъ въ тюрьму, — у насъ, товарищи, профессоръ съ кафедры поучаетъ рабочихъ о томъ, какъ заботится правительство о ихъ просвѣщеніи.

Вотъ до какого лицемѣрія, до какого мороченья народа у насъ дошло. Видя, что народъ такъ рвется къ знанію, что его не удержишь, правительство, боясь того настоящаго знанія, которое откроетъ глаза рабочему люду на то, кто его угнетаетъ, кто выжимаетъ изъ него соки, которое покажетъ рабочимъ, гдѣ его истинные друзья и враги, рѣшило помазать рабочихъ по губамъ тѣмъ „будто-бы“ знаніемъ, о которомъ поютъ имъ сладкорѣчиво нарочно для того посаженные московскіе профессора. Рабочихъ рѣшили потѣшить игруш-

кой, чтобы сидѣли они смирно, чтобы забыли о борьбѣ и революціи и чтобы начальство съ фабрикантами могли потихоньку за ихъ спинами объегоривать ихъ, отнимать у нихъ понемногу и тѣ небольшія уступки, которыхъ они добились своей прошлой борьбой.

И хороши же, товарищи, эти представители знанія, эти профессора, которые невѣжественному народу, идущему просить къ нимъ хлѣба, истиннаго знанія, подаютъ обманнымъ образомъ вмѣсто этого хлѣба камень, которые за жирную чечевичную похлебку выплачиваемаго имъ правительствомъ жалованія продаютъ то истинное знаніе, которому они какъ будто-бы служатъ! Вотъ каковы эти жрецы науки, эти служители просвѣщенія!

Что-жъ?... Не будетъ ли, товарищи? — Или еще третьяго просвѣтителя, г. Дена, послушать пойдемъ?

Этотъ расписываетъ слушателямъ о положеніи рабочихъ въ Англіи, о томъ, чего они добились мирной борьбой, профессіональными союзами. Что же касается до рабочаго законодательства, то оно у насъ въ Россіи, по его словамъ, чуть ли не лучше, чѣмъ въ Англіи. Тамъ нѣтъ закона, ограничивающаго рабочій день, а у насъ, вишь, есть — начальство позаботилось. И забываетъ при этомъ сказать г. Денъ, что въ Англіи фабричные инспектора введены давнымъ давно и что они тамъ не одна чиновная прикрышка, а дѣй-

ствительно дѣятельные на пользу рабочихъ люди; что рабочій день для женщинъ и подростковъ тамъ давно сокращенъ, а такъ какъ мужчины безъ нихъ работать не могутъ, то и у нихъ рабочій день короче сталъ. Забываетъ онъ, восхваляя ту мирную борьбу, которую ведутъ англійскіе рабочіе въ своихъ союзахъ, сказать о той почвѣ, на которой выросли эти союзы. Упускаетъ онъ изъ виду, что только на почвѣ полной политической свободы могли возникнуть тѣ прочные боевые союзы, которые выставляютъ фабрикантамъ свои требованія, грозя въ случаѣ отказа общей стачкой, — и что только такимъ путемъ добились тамъ рабочіе болѣе короткаго рабочаго дня, высшаго заработка. Умалчиваетъ также господинъ Денъ и о томъ пустякѣ, что англійскій рабочій не рабъ, котораго земскій начальникъ можетъ безъ суда засадить въ холодную, выпороть розгами, на котораго начальство можетъ сколько угодно орать и топать ногами, а вольный гражданинъ, который совершенно равенъ политически своимъ хозяевамъ, который выбираетъ въ парламентъ, гдѣ рѣшаются всѣ государственныя дѣла, своихъ представителей, — слѣдовательно, самъ участвуетъ въ управленіи государствомъ, а не является безсильной игрушкой въ рукахъ самодура царя и его чиновниковъ. Забываетъ г. Денъ и то, что рабочіе могутъ устраивать тамъ свободно свои сходки, забастовки, союзы, что въ

Англіи существуетъ свобода печати, такъ что тамъ можно пропечатать всегда о всякомъ нарушеніи закона. Или все это мелочи, о которыхъ можно и не говорить? Или все это не важно для рабочихъ? Указывая на то, что въ Англіи нѣтъ особой рабочей партіи, г. профессоръ забываетъ пояснить, что до сихъ поръ она стояла особо выгодно на міровомъ рынкѣ и что фабриканты ея, получая большіе барыши, могли больше уступать рабочимъ союзамъ, что теперь, когда положеніе ея на рынкѣ мѣняется, англійскіе рабочіе видятъ, что имъ необходимо организовать свою рабочую соціаль-демократическую партію, и что только съ окончательной побѣдой этой партіи, съ достиженіемъ соціалистическаго строя, рабочіе добьются полнаго равенства и полной свободы.

Обходя все это, г. профессоръ даетъ своимъ слушателямъ такое представленіе объ Англіи, которое совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности или, вѣрнѣе, совсѣмъ никакого представленія не дастъ имъ.

Ну, теперь, товарищи, мы уже, кажется, по горло сыты этой профессорской ученостью и раскусили кажется вполнѣ, чего она стоитъ. Но прежде, чѣмъ повернуть спину новому союзу, не мѣшаетъ послушать, можетъ быть, и тѣхъ рабочихъ, что стоятъ во главѣ его. Если профессора одни вольно, другіе невольно рабочимъ глаза замазываютъ, если отъ нихъ никогда нельзя ждать пониманія нашихъ ин-

ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

тересовъ, то привлекаетъ же что нибудь къ союзу свою братію, — рабочихъ, Афанасьева, Красовскаго и другихъ, которые хлопочутъ въ немъ, устраиваютъ кассу взаимопомощи, потребительныя лавки? Можетъ быть, дѣйствительно, хоть немного, да можно добиться такимъ путемъ? Вѣдь вотъ разрѣшили рабочимъ собранія, устройство кассы, а постепенно, можетъ быть, и еще что нибудь будутъ разрѣшать. Можетъ быть такимъ мирнымъ путемъ рабочіе въ концѣ концовъ большаго добьются. — „Политика приноситъ намъ всегда одинъ вредъ, — говорятъ Афанасьевъ и его друзья, — надо бросить ее, не требовать, а просить, — просьбами мы скорѣе достигнемъ улучшенія своего положенія. Вотъ посмотрите: Прохоровъ по просьбѣ нашей согласился прекратить съ августа обыскъ у механическихъ рабочихъ за круговою порукою ихъ. Видите: попросили и согласился, а если-бы съ требованій начали, ничего бы не добились и кончилось бы все однимъ скандаломъ, и разослали бы всѣхъ.“ Дѣйствительно, какъ будто бы маленькій толкъ вышелъ. Оно, положимъ, обидно своими кровными деньгами завтра расплачиваться, если найдется такой, но все ужъ лучше, чѣмъ ежедневно обидной процедурѣ обыска подвергаться. Можетъ, впрямь и другимъ прохоровскимъ рабочимъ и на другихъ фабрикахъ попросить объ этомъ надо?

Не успѣли мы поразмыслить надъ этимъ,—

глядь, въ „Русс. Вѣд.“ письмо Прохорова появляется. Объявляетъ онъ, что никогда онъ ничего такого не говорилъ, что нѣкоторое снисхожденіе онъ дѣлать не прочь, но совершенно отмѣнить обыскъ рабочихъ не можетъ.

Вотъ и рано обрадовались. Испугался фабрикантъ-то: а ну какъ воръ гдѣ проявится, на гривенникъ миткалю или ситцу утащитъ? Нѣтъ, лучше уже всѣхъ рабочихъ обшарить, да за свое добро спокойнымъ быть.

И если къ такой ничтожной просьбѣ, исполнить которую фабриканту никакого убытка нѣтъ, гдѣ рискуетъ онъ какимъ нибудь грошемъ, онъ такъ относясь, то что же говорить о тѣхъ, гдѣ дѣйствительно выгода хозяина замѣшана? Вотъ у Динга всѣхъ рабочихъ передъ Пасхой разсчитали, чтобы зажилить тѣ гроши, которые бы имъ за праздничные дни пришлись. Пусть бы попробовалъ тутъ Афанасьевъ съ просьбой къ нимъ обратиться! Послушались бы они его что-ли, отказались бы отъ своей выгоды? Да вонъ и на низкіе расцѣнки всѣ плачутся. Что же не попросить ли хозяевъ добромъ повысить ихъ, когда это такъ просто? Объяснить имъ, какъ при такихъ расцѣнкахъ рабочіе здоровье свое надрываютъ. А кстати, можетъ быть и рабочаго дня урѣзать хоть малость попросить. Что-жъ? Пойдутъ на это фабриканты? Поступятся они хоть крохой своихъ выгодъ для облегченія рабочихъ? Смѣшно даже говорить объ этомъ, то-

варищи,—точно не знаемъ мы ихъ, точно всякій на себѣ не испыталъ, насколько они къ просьбамъ рабочихъ склоняться готовы. Развѣ не съ просьбъ — униженныхъ, покорныхъ начинали всегда рабочіе, когда чувствовали, что ихъ сдавливаютъ, какъ желѣзнымъ кольцомъ, когда какія-нибудь послѣднія капли дѣлали невозможнымъ мириться съ прежними условіями? И что же было отвѣтомъ на эти просьбы? Рабочимъ говорили: не хотите, увольняйтесь, — мы другихъ найдемъ; ихъ уполномоченныхъ выдавали начальству и высылали, а если рабочіе пріостанавливали до исполненія своей просьбы работу, то къ нимъ являлись войска, имъ грозили, ихъ засаживали въ тюрьмы... Можетъ, начальство слѣдовало получше попросить?—Да не просили развѣ и его, товарищи? Ни одной стачки сначала не обходилось, чтобы рабочіе не посылали ходоковъ къ исправнику, къ губернатору. И что же, выходило изъ этого что-нибудь? Удовлетворяло ли когда либо начальство „неразумныя“ желанія рабочихъ, когда они предъявляли ихъ въ видѣ просьбъ? Не приказывало-ли имъ подчиняться установленнымъ на фабрикѣ порядкамъ? Не принуждало ли ихъ къ тому силой, если они не повиновались сразу? Считая, что низшее и болѣе близкое начальство подкуплено фабрикантами, обращались рабочіе и прямо къ высшему: сколько разъ посылали они изъ Москвы и ея района ходоковъ и про-

шенія къ Вел. Кн. Сергѣю. Стачечники села Гусь въ 1897 г. послали ему телеграмму и ждали спокойно и мирно, увѣренные найти въ немъ опору и защиту. Чего же дождались они? Войскъ, нагаекъ, арестовъ. И они ли одни? Нѣтъ, таковъ былъ отвѣтъ повсюду, гдѣ рабочіе пробовали путемъ просьбъ и ходатайствъ обратить вниманіе начальства на свое тяжелое положеніе. Отвѣтъ былъ одинъ, да онъ и не могъ быть другимъ. Мы знаемъ ужъ, что всему начальству, — и министрамъ, и царю прямой разсчетъ поддерживать фабрикантовъ, во-первыхъ, потому, что ихъ выгода тутъ замѣшана, а затѣмъ и потому, что они легче порядокъ въ государствѣ установятъ, если будутъ сдавливать рабочихъ, — фабриканты-то не дадутъ себя урѣзывать — они вѣдь сила и хорошо чувствуютъ это. А только передъ силой уступало и будетъ уступать всегда наше правительство. И мы, рабочіе, не можемъ не знать этого.

„Политика приноситъ всегда одинъ вредъ“ — говорятъ Афанасьевъ и другіе рабочіе, стоящіе во главѣ союза. Полно, такъ-ли? Вспомнимъ самую важную уступку, которая за послѣднее время дана была рабочимъ: законъ 2-го іюня 1897 г., по которому работа на фабрикахъ была сокращена до $11^1/_2$ часовъ. Почему издало его правительство? Не потому-ли, что рабочіе попросили его объ этомъ? — Мы хорошо знаемъ, что нѣтъ: не просьбы пред-

шествовали ему, а грандіозная петербургская стачка, охватившая почти всѣ фабрики и около 40 000 рабочихъ. Въ листкахъ, выпускавшихся тогда, стояло единодушное требованіе болѣе короткаго рабочаго дня, и правительство, напуганное такимъ дружнымъ возмущеніемъ, видя, что стачка можетъ затянуться, рѣшило уступить: всѣ мелкія требованія рабочихъ были тотчасъ-же исполнены, а съ осени была назначена коммиссія для обсужденія закона о нормировкѣ рабочаго дня. Коммиссія эта заседала тайно, но документы этихъ засѣданій удалось достать и они были напечатаны заграницей („Тайные документы...“). По нимъ видно, что въ коммиссіи прямо признавали, почему теперь нуженъ такой законъ: надо успокоить рабочихъ и отклонить ихъ этимъ отъ рабочаго движенія. Но какъ только рабочіе успокоились, такъ фабриканты и правительство стали потихоньку и незамѣтно вытягивать у нихъ изъ рукъ данный имъ кусокъ: пошли разныя ограниченія, циркуляры, по которымъ многія производства освобождались отъ него. Тутъ старался, главнымъ образомъ, тотъ самый министръ финансовъ, котораго Озеровъ не посовѣстился выставить защитникомъ рабочихъ. У него самого, въ складахъ водочной монополіи заставляютъ дѣтей противъ закона работать до поздней ночи. Однимъ словомъ, что бы ни говорили Афанасьевъ и его единомышленники о вредѣ политики, мы

видимъ, товарищи, что политика создала законъ 2-го іюня, а ослабленіе политическаго движенія среди рабочихъ дало возможность правительству оттягивать его постепенно. Таково же было происхожденіе и всѣхъ другихъ законовъ; — законъ о сокращеніи рабочаго дня для женщинъ и дѣтей былъ изданъ послѣ морозовской стачки 1885 года. И на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ, — мы всѣ знаемъ, товарищи, — сокращеніе рабочаго дня, повышеніе расцѣнковъ, отмѣна разныхъ злоупотребленій достигались не просьбами, а стачками и борьбой. Такъ послѣ стачекъ былъ сокращенъ рабочій день на заводахъ Доброва, Бромлея, Гужона и другихъ въ 1896 г.; послѣ стачки Прохоровъ обрѣзалъ свой аршинъ, сдѣлавъ его въ 16, какъ вездѣ на свѣтѣ, а не въ 17 вершковъ. Борьбою добились рабочіе болѣе короткаго рабочаго дня по субботамъ и т. д. Да чего и перечислять: у всякаго изъ насъ, товарищи, есть на памяти какая-нибудь подобная уступка и всякій знаетъ, что лишь борьбою добились ея рабочіе.

А, наконецъ, самая московская касса механическихъ рабочихъ? Откуда она взялась? Почему это вдругъ вздумали разрѣшить ее? Когда рабочее движеніе стало разростаться и серьезно озабачивать правительство, Зубатовъ подалъ Трепову знаменитый докладъ, напечатанный въ № 8 „Раб. Мысли“, гдѣ онъ доказывалъ, что соціаль-демократы тѣмъ, главнымъ

образомъ, опасны правительству, что учатъ рабочихъ бороться за ихъ повседневные интересы, указываютъ на ихъ нужды, на злоупотребленія фабрикантовъ. — „Одними арестами да ссылками мы дѣлу не поможемъ, — говорилъ онъ тамъ, — мы должны быть тамъ же, гдѣ наши враги, *мы должны показывать видъ, что стоимъ за рабочихъ*, исполняя, по возможности, ихъ наиболѣе справедливыя требованія."

Въ секретномъ докладѣ главный московскій шпіонъ не считаетъ нужнымъ лицемѣрить. Тутъ онъ весь, какъ на ладонкѣ, тутъ онъ прямо говоритъ: *мы должны показывать видъ, что стоимъ за рабочихъ*. Въ прежнее время этотъ ловкій плутъ обходилъ нѣкоторыхъ изъ насъ, угощая на допросахъ чаемъ и увѣряя, что онъ самъ стоитъ за рабочихъ. Теперь ни одинъ изъ тѣхъ, кто читалъ этотъ докладъ не пойдетъ, конечно, на такую удочку, какъ бы простъ и довѣрчивъ онъ ни былъ: предательская лисья морда будетъ выглядывать для него слишкомъ ярко изъ всѣхъ этихъ приторно сладкихъ рѣчей.

Но мудрый докладъ лежалъ подъ спудомъ. Прошло два года, жизнь не стояла на одномъ мѣстѣ: все сильнѣе разгоралась борьба среди рабочихъ, все больше и больше сознательныхъ и убѣжденныхъ людей вырабатывалось изъ нихъ; стачки становились все чаще, вспыхивали въ самыхъ глухихъ и тихихъ мѣстно-

стяхъ, охватывали все большее и большее число рабочихъ, — и наконецъ, весною прошлаго года рабочіе вышли на улицу, присоединившись къ студенческимъ манифестаціямъ. И хотя совершенно неорганизованы еще были тѣ толпы, которыя двигались шумно прошлой весной по улицамъ Москвы, нагромождая скамейки на бульварахъ противъ полиціи и запуская гнилыя яблоки и камни въ окна великолѣпнаго дворца,—но правительство увидало все-же, что недовольство въ рабочихъ массахъ растетъ такъ сильно, что становится опаснымъ, — и хотя на этотъ разъ были пущены въ ходъ и нагайки, и пули, но стали искать и иныхъ мѣръ бороться съ этой растущей силой, вспомнили про мудрый докладъ Зубатова и дали московскимъ рабочимъ право собираться, — сунули имъ, какъ не въ мѣру раскричавшимся ребятамъ, этотъ пряникъ въ руки: авось засосутъ й успокоятся. И Афанасьевъ съ компаніей дѣйствительно ребятамъ малымъ уподобились: засосали, причмокивая, этотъ пряникъ и позабыли уже, какимъ путемъ получили его; или скорѣе, они уподобились свиньѣ Крыловской басни: стали грызть корни того самаго дерева, на которомъ выросли желуди, идущіе имъ въ пищу. — „Долой политику! Политика одинъ вредъ приноситъ“ — заговорили они, забывая, что политика-то и создала ихъ союзъ, что безъ борьбы они никогда не имѣли бы его, что и онъ яв-

ляется знакомъ того, что рабочее движеніе становится силой, съ которой надо считаться.

Не надо только, товарищи, обманываться относительно значенія этого союза; не надо забывать, что онъ является только показателемъ того, что правительство начинаетъ трусить рабочаго движенія, пасовать передъ нимъ, метаться отъ угрозъ и насилія къ уступкамъ и „якобы“ правамъ.

А московская касса только „якобы“ право. Рабочимъ предоставляется собираться, чтобы учиться, но вмѣсто дѣйствительнаго знанія имъ преподносятъ ученость, которую московскіе профессора выкраиваютъ такъ, чтобы усыпить и успокоить рабочихъ, да чтобы и Охрана съ жандармскимъ были довольны. Еще бы имъ не быть довольными: вѣдь главари союза, ихъ ставленники (не даромъ они въ Охранкѣ и днюютъ и ночуютъ!) поютъ на этихъ собраніяхъ славу начальству и отговариваютъ товарищей отъ борьбы, отъ „политики“. Они стараются внушать другимъ рабочимъ „правильныя“ мысли; ну, а если кто противъ этихъ мыслей возражать начнетъ, такъ того и отмѣтить можно, и въ виду имѣть, какъ безпокойнаго человѣка, чтобы его при первомъ же недовольствѣ, при первой стачкѣ на той фабрикѣ, гдѣ онъ работаетъ, разсчитать и выслать, какъ зачинщика. Не даромъ-же самъ полковникъ изъ Охраны на собраніяхъ этихъ посиживаетъ. Вотъ какъ ловко

этимъ союзомъ правительство двухъ зайцевъ убиваетъ: и рабочихъ успокаиваетъ и такое учрежденіе создаетъ, гдѣ можно надзирать за ними, — оно и дешевле: меньше шпіоновъ держать надо, да и дѣйствительнѣе, потому что на собраніяхъ сидятъ самые умные шпіоны, которые раскусятъ и то, что простые, дешевые, трудящіеся среди рабочихъ шпіоны не поймутъ или мимо ушей пропустятъ. А эти сидятъ и слушаютъ съ благосклонною улыбкою, какъ кошки, сдѣлавъ бархатныя лапки и спрятавъ когти, слушаютъ пѣніе птицъ: „пойте, пойте, моль, голубчики, изливайте свою душу, ищите облегченія своего положенія, мы вамъ такъ сочувствуемъ, мы вамъ такъ помочь готовы“... А когда неразумныя птицы и въ самомъ дѣлѣ распоются, когти высунутся изъ бархатныхъ лапокъ: пожалуй къ отвѣту, голубчикъ.

Неужели, товарищи, найдутся еще среди насъ такіе наивные люди, которые станутъ искренно пѣть передъ своими врагами, такіе простаки, которые повѣрятъ ихъ желанію помочь намъ и, какъ неопытный мышенокъ въ баснѣ, довѣрчиво пойдутъ на кроткій голосокъ, въ бархатныя лапки?!

Нѣтъ, полно! Рабочіе быстро дѣлаютъ свою выучку и далеко назади осталось для нихъ время того ранняго младенчества, когда медовыя рѣчи хитраго кота, Зубатова, одурманивали головы нѣкоторыхъ изъ нихъ до того,

что они переставали понимать, гдѣ ихъ друзья и гдѣ ихъ враги и выкладывали этому хитрому коту все, что ему нужно было... Съ болью и стыдомъ вспоминаютъ они объ этомъ... Теперь это время прошло. И вотъ для того, чтобы обойти рабочихъ, Зубатовъ выдвигаетъ новую, болѣе хитрую выдумку: имъ, которые рвутся такъ страстно къ знанію, предлагаютъ слушать лекціи профессоровъ, читающихъ спеціально для нихъ на самыя близкія имъ, животрепещущія темы, — о положеніи рабочихъ и способахъ улучшенія его; имъ предлагаютъ собираться, обсуждать свои дѣла, устраивать свои кассы и библіотеки. А между тѣмъ, недремлющее око перваго московскаго шпіона и непосредственно, и черезъ своихъ ставленниковъ, какъ Афанасьевъ, Красовскій и другіе, — слѣдитъ за ними, отмѣчаетъ вредныхъ, безпокойныхъ людей... — „Избави насъ, боже, отъ друзей, а съ врагами мы сами справимся“,— говоритъ пословица, и дѣйствительно, открытый врагъ куда менѣе опасенъ, чѣмъ такой, который, какъ Афанасьевъ, влѣзаетъ въ нашу среду подъ дружеской личиной, въ мирной овечьей шкурѣ.... Онъ ораторствуетъ среди насъ, убѣждаетъ насъ въ пользѣ кассъ, вызываетъ на споры, — а потомъ бѣжитъ въ Охранку и наушничаетъ тамъ на насъ.

Товарищи! Мы должны дружно возстать противъ такихъ предателей! Раскусивъ ихъ, мы должны предостерегать отъ нихъ болѣе моло-

дныхъ, неопытныхъ рабочихъ. Всѣ тѣ изъ насъ, кто понялъ, какого рода подачку представляетъ изъ себя московская легальная касса и профессорскія лекціи, — должны разъяснять это другимъ, чтобы не допустить заразѣ этихъ предателей пустить глубокіе корни въ нашей средѣ. Всѣ тѣ, кто былъ въ борьбѣ, должны указывать товарищамъ, что только ею добивались всегда чего-либо рабочіе, какъ у насъ, такъ и въ Зап. Европѣ, въ тѣхъ, болѣе счастливыхъ странахъ, гдѣ рабочіе имѣютъ уже общія гражданскія права, гдѣ могутъ свободно собираться и обсуждать свои дѣла, и писать о нихъ въ своихъ, рабочихъ газетахъ, и участвовать въ лицѣ своихъ представителей въ тѣхъ выборныхъ учрежденіяхъ, парламентахъ, гдѣ рѣшаются всѣ государственныя дѣла; гдѣ они въ правѣ устраивать стачки, союзы, кассы; гдѣ ихъ не высылаютъ безъ разговоровъ на родину, не засаживаютъ безъ суда въ тюрьмы, гдѣ съ ними обращаются вѣжливо на „вы“, а не то, что съ окриками и зуботычинами, гдѣ признаютъ ихъ человѣческое достоинство...

И тамъ *только борьбой добились этого рабочіе*, и тамъ ни одно изъ этихъ правъ не явилось результатомъ просьбъ и мирныхъ средствъ, какъ проповѣдуетъ намъ профессоръ Денъ, какъ распинается объ этомъ Афанасьевъ. И профессіональные союзы, и кассы и все прочее было *завоевано* рабочими, какъ убѣдится

каждый изъ насъ, взявъ въ руки исторію того или другого народа. Но это не заставило ихъ сложить руки. Извлекая пользу изъ профессіональныхъ союзовъ, они ведутъ въ то же время повсюду — въ Бельгіи, Франціи, Германіи и политическую борьбу и ею только добиваются они новыхъ и новыхъ уступокъ. Тѣмъ меньше можемъ мы, которые настолько отстали отъ нихъ во всемъ, что касается политическихъ правъ, сложить руки и отказаться отъ политики. Мы будемъ пользоваться тѣми грошовыми уступками, которыя даетъ намъ потребительная лавка, устроенная новымъ московскимъ обществомъ, мы отмѣтимъ себѣ, что и она, и все то заигрываніе съ рабочими, которымъ является это общество, есть лишь результатъ все растущаго вліянія ихъ (рабочихъ), а потому является также завоеваніемъ.

Но на лекціи профессорскія ходить, разговоры и споры тамъ вести мы предоставимъ такимъ друзьямъ Охранки, какъ Афанасьевъ и ему подобные, — и мало тогда поживится отъ своей выдумки начальство. Мы вынесемъ изъ этого общества лишь болѣе крѣпкое убѣжденіе, что учиться рабочіе должны, какъ прежде, только тайно, ибо истинное знаніе прячется отъ нихъ. Наученные горькимъ опытомъ, наученные прежними ошибками, мы осторожнѣе будемъ заводить тайные кружки саморазвитія, разъясняя товарищамъ, отчего пло-

хо живется рабочему люду на Руси и какъ ему надо бороться за свои человѣческія и гражданскія права и право на жизнь и свободу. Мы будемъ сплачиваться и организовываться въ боевые союзы, будемъ бороться путемъ стачекъ, а по особо важнымъ случаямъ будемъ устраивать торжественныя уличныя манифестаціи. Мы покажемъ начальству, что рабочіе, вставшіе разъ на свои ноги, сдѣлавъ первые самостоятельные шаги на пути своего освобожденія, не согласятся уже ходить на помочахъ у начальства; разъ понявъ, что „всякій самъ своего счастья кузнецъ“, и что лишь то счастье прочно, которое завоевано борьбой, они все болѣе смѣлымъ и свободнымъ шагомъ пойдутъ впередъ по пути къ этому счастью, пока не завоюютъ его себѣ окончательно, пока не наступитъ такое время, когда не будетъ уже голодныхъ и непосильно трудящихся и сходящихъ отъ того въ преждевременную могилу людей, въ то время, какъ другіе ни въ чемъ себѣ не отказываютъ и предаются всякимъ излишествамъ. И помня слова нашего учителя: „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“ мы пойдемъ въ этой борьбѣ рука объ руку съ нашими товарищами — рабочими другихъ странъ и, какъ они, главнымъ праздникомъ своимъ будемъ считать рабочій праздникъ 1-ое мая, тотъ день, когда рабочіе всего міра выставляютъ на своихъ знаменахъ требованіе 8-ми часоваго рабочаго дня.

Товарищи! Мы, русскіе рабочіе, не имѣемъ еще права праздновать этотъ день, и только тайкомъ и разрозненно, собираясь небольшими кучками за городомъ, праздновали его до сихъ поръ московскіе рабочіе. Но наши товарищи въ другихъ городахъ, — въ Варшавѣ, Ригѣ, Вильнѣ, въ Харьковѣ и Кіевѣ, — несмотря на правительственное запрещеніе, выходятъ все-же на улицу въ этотъ день, поютъ свои рабочія пѣсни и заявляютъ свои требованія.

Товарищи! Будемъ сплачиваться и объединяться, будемъ работать въ нашихъ тайныхъ организаціяхъ, чтобы то, что невозможно для отдѣльныхъ плохо съорганизованныхъ группъ, стало скорѣе возможно для насъ: для того, чтобы и мы, московскіе рабочіе, могли пройти въ день 1-го мая большой и дружной, организованной толпой по улицамъ Москвы бѣлокаменной, распѣвая свою, рабочую, пѣснь.

Да здравствуетъ рабочій праздникъ 1-ое мая!

Да здравствуетъ международное соціаль-демократическое движеніе!

129

ЦѢНА 10 зол.